

Озадачили не по-детски, или Кто наступает на ухо «Русскому медвежонку»?

О.М. ИСАЧЕНКО,

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания
Новосибирского государственного университета, профессор кафедры русского языка
Новосибирского высшего военного командного училища

Уже 17 лет (с 2000 г.) в школах России проводится Всероссийский конкурс «Русский медвежонок» (в форме теста)¹. Бесспорно, такие мероприятия нужны и полезны для общего развития детей. И претензий не было, если бы исходный посыл данного мероприятия и его «содержательный формат» оставались прежними. К сожалению, уровень вопросов и их качество меняются от года к году, и не в лучшую сторону. Возможно, это происходит по объективным причинам («исчерпался» ресурс интересных вопросов) или по субъективным — «предельности» человеческой фантазии и «кризиса жанра». Так, после подробного анализа одной линейки заданий 2015 г. восторга И.Б. Левонтиной: «Есть такая **замечательная** олимпиада по лингвистике для школьников: конкурс-игра «Русский медвежонок — языкознание для всех» [2, 474]² безоговорочно разделить нельзя, равно как и согласиться с ее негодованием по поводу «родительского воя»: «...один из составителей задач пожаловался мне на

вой, который родители школьников *подняли в Интернете* по поводу этих самых задач, и я заглянула на форум. Впечатление действительно удручающее. Самое грустное, что, *не сумев решить задачу для второго класса, взрослые сразу называют ее дурацкой*, пишут, что в ней ошибка, *возмущаются* авторами задач, рассуждают об уровне образования (не своего, а в России), о коррупции и пр.» [2, 474].

То, что в 2015 г. ученикам II–III классов предложили в качестве конкурсных заданий, выглядит как издевка — и над детьми, и над русским языком. Отсюда сомнения в целесообразности проведения такого конкурса или, со стороны детей (и их родителей), участия в нем. Конкурсный пакет неприятно удивил и разочаровал. Прежде всего, потому, что задолго до конкурса мы начали к нему готовиться: решать ребусы, лингвистические задачи (сначала предложили детям самостоятельно выполнить задания, назвали такой формат «Медвежонок на каникулах», затем провели очный этап — игру с ма-

¹ Тестовая форма, безусловно, удобна для проверки, но оголтелое ее использование на уроках и олимпиадах по всем предметам кажется неоправданным, особенно в качестве олимпиадного формата, так как тесты лишают детей возможности подумать, ориентируют их на то, чтобы приблизительно выбрать или безотчетно угадывать.

² В квадратных скобках указаны номер работы и страницы в ней из списка «Использованная литература». — *Ред.*

мами «Русский медвежонок vs Русская медведица»). При подготовке мы ориентировались на типовые и оригинальные задания предыдущих лет, в которых удачно сочетается форма и содержание, учтена возрастная категория участников (например, литературные цитаты — по возрасту, из детских книг) и школьная программа. Даже самые каверзные вопросы вполне укладываются в логику 8–9-летнего ребенка.

Задания «Русского медвежонка-2015» не выдерживают критики, так как 19 (!) из 28 вопросов чем-нибудь грешат: одни некорректно сформулированы, другие не содержат достаточного основания для решения, третьи апеллируют к тому, чего ребенок знать не может, четвертые простоваты... и т.п.

Разберем проблемные, на наш взгляд, вопросы, сгруппировав их по типам. Проблемные не потому, что оказались детям, как говорится, не по зубам (как раз со многими из них дети, не особенно рефлексировавшие, справились), а потому, что в них мало логики или лингвистики, недостаточно вкуса или такта.

Некорректный вопрос

В формулировке первого же вопроса (1)¹ проявляется лингвистическая «глухота» и человеческая бестактность.

(1) **В какой из этих пар слова связаны между собой по смыслу не так, как в остальных?**

а) слепой — слепец; б) глупый — глупец; в) немой — немец²; г) старый — старец; д) хитрый — хитрец.

Понятно, даже детям, что *немец* и *немой* «связаны между собой по смыслу НЕ ТАК». Но по большому счету эти слова **никак не связаны** между собой по смыслу **в современном языке**, но **связаны историческим родством**, так как этноним *немец* мотивирован прилагательным *немой* — ‘непонятно говорящий’. Помимо того что формулировка вопроса неверна, она и некорректна по отношению к целому народу. Такое «ненавязчивое увязывание» этнонима с «дефектным» прилагательным *немой* ‘Лишенный дара речи, способности гово-

рить’ читается как обыденная бестактность, оно слишком прямолинейно.

Конечно, детей мало интересуют вопросы политкорректности и вряд ли они знают этимологическую историю существительного *немец* (на это и рассчитан вопрос, в противном случае он не имел бы ответа). Но составители олимпиадных заданий должны знать больше, чем дети, — и об истории языка, и о речевой этике, чтобы не закреплять в сознании детей ложные ассоциации между *немой* и *немец*.

Избежать подобной неловкости и некорректности можно, если подчеркнуть современные словообразовательные связи и тем самым намекнуть на связи утраченные, исходные, например: **Найдите пару, в которой современные слова хоть и похожи, но по смыслу уже не связаны.**

Игры со словами

Как минимум два вопроса этой «угадайки» — об окказионализмах. Заметим, что языковые игры для детской олимпиады — благодатный материал, но однообразные задания не очень интересны.

(5) **Ляля и папа бодаются и мычат. Папа говорит: «Мы быки». Ляля говорит: «Нет, мы мыки». Папа отвечает: «Тогда я — як». Ляля говорит: «Нет, ты — ...»**

а) бык; б) тык; в) вык; г) рык; д) мук.

Предложенные варианты ответов, кроме *бык*, словами не являются (девербатив *рык* (от *рычать*) детям вряд ли знаком, равно как и зооним *як* — в реплике папы). Сама ситуация «игры в слова» для ребенка, безусловно, естественна. Первая реплика Ляли логична: раз *мы мычим*, значит, не *быки*, а *мыки*. Но родитель совершенно неожиданно ломает предложенную мотивацию, выходит из «коалиции мыков» и вдруг заявляет суверенное «я — як». По невинной логике взрослого нужно осуществить «перевод» с 1-го лица на 2-е (говорить от лица Ляли): *як* > *тык*.

Получается, что папа играет в свою игру — в названия крупнорогатого скота (*бык*, *як*), а девочка совсем в другую — в лингвистическую, она экспериментирует с личными местоимениями (*мы* — *мыки*,

¹ Здесь и далее в скобках указывается порядковый номер задания / вопроса.

² Правильные, по замыслу составителей, варианты ответов выделены полужирным шрифтом.

ты — тык) и деривационными отношениями (мычим — мыки).

В целом этот вопрос неплохой: в нем предлагается уловить именно детскую логику, не отвлекаясь на «непоследовательного папу».

Окказионализм в следующем вопросе имеет более сложную словообразовательную природу, восходит к речевой формуле, которая грамматически оформлена инфинитивом.

(19) *«Прошу не торопить меня, — сказал Иа-Иа, медленно поднимаясь. — Прошу не...» Закончите фразу Иа-Иа:*

а) данувайкать; б) кудавайнать; в) вадунайкать; г) нудавайкать; д) кадавайнуть.

Варианты ответа, скорее всего, ребенок воспринимает как нечитаемую абракадабру, что его сразу отпугивает. Смысл задания в преодолении — в том, чтобы разглядеть в громоздких записях отдельные слова, точнее, фразу, которую используют в речевых ситуациях нетерпеливого понукания-поторапливания: *Ну, давай!*

Вместо совершенно искусственных вариантов с -нать, -нуть (б, д) можно было бы предложить, например, реальные разговорные глаголы (такать, мамкать, тыкать, некать, дакать) или построенные аналогично нудавайкать — с помощью слияния и / или суффиксации (кудакать (Куда?), данукасть (Да ну!), чтобы выбор правильного варианта зависел от контекста.

Азбучные истины

Еще пара вопросов (11 и 28) — на знание алфавита, причем их формулировки такие, что безошибочный для ребенка в этом возрасте ключ (практически «железный») подобрать непросто.

В задании (11) формулировка намекает на этот ключ: «в каком **порядке** шли имена». Дети хорошо усвоили, что алфавит — традиционный способ упорядочивания всевозможных списков слов. Но эта подсказка утопает в нагромождении странных «лошадиных имен», предложенных в ответах.

(11) *Пересказывая сказку Дины Сабитовой «Цирк в шкатулке», Маша сначала запуталась в нескольких именах цирковой лошади, но потом поняла, в каком порядке шли ее имена, и вспомнила, что лошадь зовут:*

а) Ида Амелия Эва Казимира Дина;
б) Беатриса Аделаида Гортензия Виолетта Душка;

в) Дина Амелия Ида Эва Казимира;
г) Аделаида Беатриса Виолетта Гортензия Душка;

д) Душка Гортензия Аделаида Виолетта.

Такие многосоставные имена выглядят абсолютно неестественно и, главное, противоречат представлениям ребенка о традиционных для русской речевой культуры кличках животных.

В тексте сказки эти длинноты имеют объяснение: *Поэтому твое имя должно быть как можно длиннее, чтоб занять для тебя как можно больше места.* [Вот Аделаидино полное имя звучит так: Аделаида Беатриса Виолетта Гортензия Душка] (Д. Сабитова. Цирк в шкатулке). И этот контекст был бы нелишним в формулировке, например: *Пересказывая сказку Дины Сабитовой «Цирк в шкатулке», Маша забыла полное имя цирковой лошади Аделаиды, но потом вспомнила, что оно должно быть длинным, чтобы занимать много места, и назвала его...*

При любой формулировке в вариантах ответа — набор имен, и для сообразительных детей это уже намек на ключ: расположение по алфавиту имен собственных, преимущественно фамилий, процедура хорошо усвоенная.

Одно дело — применить алфавит к именам (как в (11), другое — к странному набору слов, предложенному в вопросе (28).

Джаз, лимон, непросто, чешущее.

Какое еще слово можно отнести в этот список?

а) ящичек; б) элемент; в) хочешь; г) клеймо;
д) выгода.

Все задание похоже на лобовую атаку, которая не подвигает ребенка на мозговой штурм, да и взрослый, честно говоря, готов сдаться без боя.

Недоумение вызывает и казенная формулировка «можно отнести в этот список». Перечисленные слова точно являются списком? Можно отнести, а можно и нет? А почему к этому списку относится только одно слово? Это какой-то закрытый список? К поставленному вопросу хочется задать десяток уточняющих.

Прежде всего, потому, что слово *список* в задании все-таки употреблено семантически некорректно (характерный канцелярский «привкус» формулировки вопроса в целом даже не обсуждается). Метод ступенчатой идентификации словарных дефиниций¹ помогает понять, что *список* — упорядоченный набор чего-либо (например, *алфавитный список* или *список очередников* — подчинен хронологическому принципу). А в предложенном «списке» элементы перечислены в произвольном порядке. Это скорее набор «однопризнаковых» слов. И нетривиальная задача заключается в том, чтобы найти общий признак для довольно пестрого — в лексическом и грамматическом плане — «списка». Некоторые из приведенных слов (в том числе в вариантах ответов) не только далеки от детского узуса (*джаз, клеймо, элемент, выгода*), но и от узуса вообще — совершенно искусственным и инородным в этом ряду выглядит причастие *чешущее*!²).

Для поиска «ключа» к решению задачи в формулировке нет ни подсказки, ни намека. Догадаться, что нужен алфавит, почти нереально, тем более что алфавитный порядок нужно увидеть внутри каждого слова, причем игнорируя гласные, т.е. наборы и последовательность согласных в словах «списка» — это «соседи по алфавиту»: ДЖЗ — джаз, ВГД — выгода³.

О чем все-таки это задание? Можно ли в нем проявить лингвистическое чутье? На наш взгляд, оно ничего не дает в понимании «лингвистического порядка» (что называется, ни уму ни сердцу), так как «внутренний

алфавит» — не система, а случайное совпадение. Младшеклассников сильно «озадачили» не только искусственным заданием в казенной формулировке, но и недетскими, неживыми примерами (*элемент, чешущее*).

Можно было хотя бы сформулировать его более внятно (как минимум в конце перечисления «загадочных» слов поставить многоточие), тем самым задать направление поиска: например: *Слова «джаз», «зайка», «лимон», «просто»... очень разные, но все-таки по одному признаку похожи. У какого слова тоже есть этот признак?*

Проще пареной репы

Изоощренно усложненные задания особенно неожиданны на фоне элементарных заданий. И это рождает эффект когнитивного контраста. Например, из разряда тривиальных следующее:

(10) *Что же можно сварить побыстрей?*

Ответ простой и ясный: бульон! Папа даже руки _____ (В. Драгунский. Денискины рассказы). *Каким словом заканчивается эта фраза?*

а) *потерел*; б) *потерил*; в) *потрил*; г) *потёрл*; д) *потёр*.

Не нужно забывать, что в игре участвуют хоть и дети, но носители языка, поэтому для них *все* ответы, кроме *потёр*, нелепы.

О чем этот вопрос, понятно: у некоторых глаголов в формах прошедшего времени суффикс *-л-* нулевой (ср. *высох, вымок*), а корень *-тер-/-тир-* имеет ступень чередования с нулем звука: *е//и//о (ё)//Ш (тру, трешь, трет)*.

¹ *Список* '2. Письменный **перечень** чего-л., **перечень** 'Перечисление кого-, чего-л. в каком-л. порядке...' [1].

² Почему приведена именно форма среднего рода — загадка без отгадки. В лексических списках принято давать слова в начальной форме, для причастия — в единственном числе мужского рода. Кстати, только в этой форме оно зафиксировано в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) — всего три вхождения, включая «анекдотичное»: *В газике чешущий бакенбарды Каранетян длинно сказал по-армянски про капитана обидное...* [Дм. Липскеров. Последний сон разума, 1999]; *Она ведь была вечно живая, а этот чешущий коленку формообразователь был уже вечно мертв* [Г. Щербакова. Ангел Мертвого озера, 2002]; *Над картой склонился механик, сосредоточенно чешущий затылок* [Коллекция анекдотов: моряки, 1970–2000]. *Чешущее* в «загадочном списке» «Русского медвежонка» тоже выглядит анекдотично.

³ В одном из заданий прошлых лет было похожее, но там предлагалась усложненная «игра в города» (для названий городов алфавитный порядок тоже привычен): нужно было выбрать топоним, в котором начальная и конечная буквы в алфавите следуют друг за другом, например, *Выборг, Магадан, Кызыл*.

Ряд неверных грамматических форм (считаем обязательным варианты с суффиксом прошедшего времени: *потёрл* или с гласным — *потерел*) можно было бы разнообразить однокоренными глаголами с другими приставками: *протёр, натёр, вытер*, чтобы школьник обратил внимание и на смысл жеста самоодобрения: *потереть руки* — в случае быстро найденного верного решения проблемы.

Такого же уровня еще один вопрос:

(13) *А заяц ____ как ____ . Какое слово мы два раза пропустили в этом предложении?*

а) *вот*; б) *раз*; в) *нет*; г) *там*; д) *тут*.

Цель и высокий смысл этого задания понять невозможно. Правильный ответ обнаруживается простым перебором вариантов.

На основе этого вопроса, изменив его формулировку, получим подобный: *А зайца ____ как ____ . Какое слово мы два раза пропустили в этом предложении?*

а) *вот*; б) *раз*; в) *нет*; г) *там*; д) *тут*.

Такие механические задания доступны всем детям, решаются легко, а между тем правильный ответ на вопрос (13) оценивается в 4 балла¹, при том что никакого принципиального отличия от вопроса (10), «весом» в 3 балла, нет.

Теряемся в отгадках, или Так не бывает

Еще одна беда конкурсного пакета 2015 г. — некорректные варианты ответов, которые допускают множественность решений при использовании различных подходов. Для тестовой формы заданий это непозволительная роскошь. Если у составителей была цель запутать детей, намеренно уводя их в сторону, подальше от правильного ответа, то она достигнута.

Чуткие к языку дети (именно на них и рассчитаны конкурсные задания) могут не «угадать» верный ответ, потому что он не однозначно правильный или не единственно правильный.

Например, в задании (6): *В каком из ответов слово «вишневый» означает не то, что в остальных?* предложены варианты:

а) *вишневый компот*; б) *вишневая косточка*; в) *вишневая футболка*; г) *вишневое варенье*; д) *вишневый йогурт*.

Очевидно, что среди «вкусовых» значений прилагательного *вишневый* («сваренный из вишни» / «приготовленный с добавлением вишни» и пр.) ребенок должен различить цветочное — «темно-красный, цвета вишни» (*вишневая футболка*).

Но в варианте б *вишневая косточка* тоже реализовано другое значение (косточка не сделана из вишни, а извлечена из нее)². Следовательно, помимо различий между качественными и относительными значениями, дифференцируются и разные значения относительного прилагательного *вишневый*, мотивированных соответствующими значениями сущ. *вишня* «плодовое дерево / кустарник» (*вишневый сад, вишневые листья*), «плод такого дерева». В свою очередь, *плод* — это не только продукт (*вишневый компот / варенье* и пр.), но и натурфакт (*вишневая косточка*).

Следовательно, если школьник разумен, он не сможет выбрать правильный ответ из предложенных вариантов, так как они семантически нетождественны: компот и варенье сварены из плодов вишни, вишневый йогурт имеет вкус вишни (ее наличие необязательно), вишневая косточка находится внутри плодов вишни. А если ребенок еще и лингвистически чуток, то у него вовсе не остается выбора, потому что предусмотренный составителями верный ответ — *вишневая футболка* — отталкивает каким-то речевым диссонансом³. Дело, вероятно, в том, что благородный *вишневый* цвет (привычные сочетания в НКРЯ: *вишневое платье, вишневый бархат, вишневый лак*) входит в «эстетическое противоречие» с обиходным предметом одежды — *футболкой*. Несмотря на отсутствие стилистичес-

¹ Степень сложности вопросов и распределение по баллам — еще один серьезный повод для дискуссии.

² Аналогично в сочетании *вишневый сад* (самое частотное словоупотребление в НКРЯ) прилагательное мотивировано существительным *вишня* «дерево» (ср. **яблочный сад*, только *яблоневый*).

³ Ср., например, узуальное сочетание *вишневая девятка* (прецедентный контекст из популярной песни группы «Комбинация») актуально, но для людей старшего поколения.

кой маркированности¹, в узуальном употреблении это слово, судя по данным НКРЯ, приобретает сниженный оттенок, вероятно, по причине сочетаемости с «повседневными» определениями: *свободная, рваная, мятая, старая, черная, белая, дорожная, разноцветная...* Частотными для этого слова являются иронические контексты, в которых футболка — символ бытовой неопрятности: **Футболка была тоже финиш! Лет 40 назад в таких футболках начинала утреннюю гимнастику Страна Советов...** [Гордеевы. Не все мы умрем, 2002]; *Ноги заправлены в кеды, лняные трусы в горох — купальный низ родом из семидесятых, футболка цвета хозяйственного мыла пузырем по ветру,* — плывет свекровь по распахнутой делянке... [В. Иванова. Лыдинки, 2002].

Аналогичная ситуация с вопросом (21): **Что можно передать, но нельзя отдать?**

а) деньги; б) честь; в) письмо; г) подарок; д) привет.

Такой набор ответов тоже допускает вариативность, при условии критического отношения к языковому материалу — предложенным словам.

Отметим, что целевая аудитория в этом вопросе учтена максимально: дети неплохо знают историю Мартышки (из мультфильма «38 попугаев»), которая требовала отдать ей привет, значит, верный ответ «лежит на поверхности».

Если с этой поверхности «соскользнуть», то станет очевидно, что вариант *честь*² противоречит заданным условиям, что можно доказать методом подстановки в формулировку вопроса «*Честь* можно передать, но нельзя отдать». В реальности все

наоборот: нельзя *передать честь* (!), а *отдать честь* как раз можно — для военных это стандартный жест приветствия. Следовательно, ответ б тоже возможен.

Тестовая форма не должна допускать подобные «двойные стандарты» верных ответов. А между тем вариативность, судя по всему, не предусмотренная составителями заданий, встречается часто.

Еще более проблематично дать единственно правильный ответ на вопрос (20):

Какая фраза выглядит странно?

- а) Листья пожелтели и начали вянуть;
б) Листья пожелтели, но опали;
в) Листья пожелтели и опали;
г) Листья пожелтели, но долго не опадали;
д) Листья пожелтели и начали опадать.

Такая обтекаемая формулировка провоцирует видеть странности сразу нескольких «фраз»³. Авторы вопроса⁴, безусловно, имели в виду нарушение причинно-следственной связи, выраженной последовательностью глаголов и противительным союзом между ними *пожелтели, но опали*, т.е. ответ б. А между тем есть и другие *странные* нестыковки. Чуткий к языку ребенок может обратить на это внимание, почувствовать разного рода фальшь некоторых предложений.

Листья пожелтели и начали вянуть. О листьях деревьев не принято говорить *вянут*⁵ (*вянут цветы или уши*). Увядание цветов выражается в утрате исходной формы, изменении яркости цвета и т.п. Увядание же листьев имеет другие проявления: изменение цвета (зеленый > желтый / красный), изменение структуры, когда листья сохнут, отдавая влагу.

Проверка по НКРЯ показывает, что наиболее частотная сочетаемость — *вянут уши*,

¹ Футболка — «трикотажная рубашка спортивного покрова как часть форменной одежды футболистов, велосипедистов и пр.» [1].

² Такой вариант неудачен и потому, что не относится к детскому лексикону. Попросту говоря, дети наверняка не знают ни что такое *честь*, ни что с ней можно или нельзя делать. Да и не всякий взрослый сможет внятно объяснить абстрактное понятие «честь».

³ Странно и то, что предложения называются «фразами» («1. Отрезок речи, относительно самостоятельный в смысловом и интонационном отношении (обычно сопровождается паузой» [1]).

⁴ Их в данном случае два. На официальном сайте [4] перед каждым заданием указаны имена составителей.

⁵ В Большом толковом словаре (БТС) дан пример *листья вянут* для иллюстрации одного из значений: «1. Терять свежесть; увядать (о растениях)». Но дерево, как мы понимаем, не обычное растение — в бытовом и ботаническом смысле.

чуть реже — **вянут** цветы (герань и пр.; ср. разг. выражение: *Любовь прошла, завяли помидоры*), менее частотно — *женщины и женская красота* (переносные употребления), хотя в соответствии с лексической нормой должен использоваться глагол *увядать*. Кстати, в художественной литературе он может использоваться и в сочетании с *листвой*: *Девушка сидела на скамейке под липой, и, несмотря на то, что листва уже увяла и наполовину осыпалась, со второго этажа ее было трудно разглядеть* (А. Сулакаури. Лука). Но такое употребление нетипично.

Таким образом, вариант *а* с лингвистической точки зрения выглядит странно, в нем нарушена узусальная лексическая сочетаемость глагола *вянуть*.

Листья пожелтели, но опали. По задумке составителей это и есть «странная» фраза. Все очевидно: союз *но* «отрицает» реальную причинно-следственную связь между глаголами, обозначающими естественную последовательность природных процессов.

Варианты *в*, *г*, *д* обыгрывают ту же логику событий: пожелтели и потом осыпались / опали.

Но вариант *г* — *Листья пожелтели, но долго не опадали* настораживает по другой, экстралингвистической причине. Ребенку описанная ситуация может показаться аномальной (*листья долго не опадают*), так как в природе этот процесс происходит почти без промедлений. Поэтому дети, вряд ли четко разграничивающие событие и языковой способ его описания (т.е. смысл и «фразу»), могут и этот вариант счесть «странным».

Следовательно, у данного вопроса три вполне мотивированных решения с учетом возрастных особенностей восприятия мира и речи: с лингвистических позиций некорректны два предложения — *а* и *б*; в *г* описывается странная ситуация, которая «заражает» странностью и предложение.

Совершенно ясно, что подобная казуистика возникла случайно, т.е. при подборе вариантов ответов не предусматривалось.

Ненужные подробности

Некоторые формулировки заданий избыточны, так как содержат лишнюю (отвлекающую, даже дезориентирующую) информацию. Например, не очень ясно, зачем в вопросе (12): **Какое слово обычно относится не к человеку?** — *а) бегун; б) прыгун; в) скакун; г) плясун; д) шалун* — слово обычно¹. Для ребенка 8–9 лет этот акцент не имеет смысла, тем более что верный — *скакун* имеет одно словарное значение — «лошадь с высокими беговыми качествами». Следовательно, по логике словаря (для детей вполне достаточной) *скакун никогда* не применяется к человеку².

Как и подавляющее большинство зоонимов, лексема *скакун* может иметь метафорические употребления, использоваться для характеристики человека. Но такая метафора не имеет узусального характера, неслучайно в НКРЯ отмечено только три вхождения, одно из которых явно устаревшее: *Но Фрунзе был исключительный скакун* [В.В. Куйбышев. Эпизоды из моей жизни (1930–1935)], другое — искусственное³, нарушающее современную лексическую норму (18): *Другой мужчина, военный, скакун на лошади <...> не может сразу сказать Анне Карениной о своих чувствах, а она ему* [А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну, 2009]. Следовательно, поводов для сделанного «обобщения» — *обычно* — здесь нет. Метафора *скакун* как раз нетипичный случай для русского языка⁴. В то время как словарное употребление частотно (55 вхождений⁵ в НКРЯ), о чем свидетельствуют и узусальные валентности — сочетаемость с прилагательными (обозначениями породы, масти и других физических параметров, а также их оценки): *скакун во-*

¹ И попутно — почему именно так задан вопрос, если корректнее отрицание ставить при глаголе: **Какое слово не относится к человеку? // Каким словом не называют человека?**

² Детям было бы интереснее определить, каким словом нельзя назвать лошадь (*прыгун*). Ср.: *конь-плясун, скакун* (скаковая лошадь), *бегун*: «2. Устар. Быстрая на ходу лошадь».

³ По творческому замыслу автора вопроса героиня («гостья из будущего») забыла русский язык, с трудом вспоминает и подбирает русские слова.

⁴ Сочетание *скакун на лошади* является семантически избыточным, т.е. плеонастическим.

⁵ Без учета контекстов с именем собственным — *Скакун* (фамилии или клички).

роной, арабский, английский, призовой, лучший, накормленный, железный, кровный / тонкокровный, разгоряченный, лихой, золотистый, белый, быстроногий, горный и с глаголами; **скакун** заплясал на месте, лягнул, поднялся на дыбы, несет, кушал траву.

Неуместный лаконизм

Избыточность одних формулировок компенсируется неуместным лаконизмом других.

Если принимать во внимание образовательную, обучающую цель конкурса, то разумно рассчитывать на оптимальную достаточность сведений в формулировках заданий и ответах, особенно в вопросах об архаичной или новой лексике, которую дети, возможно, ни разу ни в речи, ни в текстах не встречали.

Например, (3): **Мышастый конь — это какой?** — и варианты ответов:

а) **серый**; б) **рыжий**; в) **черный**; г) **желтый**; д) **красный**.

Бесспорно, что внутренняя форма слова — это самое надежное основание для лингвистических загадок: такие тайны детям нравятся. Вопрос (3) из разряда наиболее интересных, если бы не его форма и алогичные варианты ответов. Например, **желтый** или **красный** конь — это все-таки из области зоологических аномалий или изобразительного искусства¹. Зачем предлагать парадоксальные и искусственные ответы, если есть вполне реальные? Разномастность коней в русском языке четко дифференцирована, специальные прилагательные-цветообозначения маркируют лошадей по их масти (цвету шерсти). Поэтому в качестве вариантов ответов детям — для расширения словаря и кругозора — можно было бы предложить именно их, приводя цветовые эквиваленты, например: **пегий** (серый), **вороной** (черный), **каурый** (коричневый), **гнедой** (красновато-

рыжий), **буланый** (светло-рыжий с черным хвостом и гривой), **соловый** (бледно-желтый со светлым хвостом и гривой).

Прилагательное **мышастый** в современной речи (за исключением художественной) типичный архаизм. Подавляющее большинство контекстов с ним относятся к прошлому веку (судя по НКРЯ): **мышастый немецкий дог** [С. Сергеев-Ценский. В снегах, 1941]; **мышастый бык** [И. Бунин. Игнат, 1912].

Более современные контексты немногочисленны: **мышастый жеребчик** [Б. Хазанов. Далекое зрелище лесов, 1998], **мышастый осел** [Ф. Искандер. Сандро из Чегема, 1989]. Как видим, **мышастым** может быть не только конь: состав «мышастых животных» довольно разнообразен², хотя в БТС отмечена обязательная сочетаемость — «серый цвет (о масти лошадей и о догах)».

Предлагая учащимся слова ограниченного употребления — по времени и / или предметной сфере, — необходимо давать более пространное объяснение, например: **Коней всегда различают по цвету. О каком коне раньше говорили, что он «мышастый»?** Или можно было сформулировать вопрос на основе литературной цитаты с пропуском, который нужно заполнить: **Какой синоним к прилагательному «мышастый» пропущен: Масти он был довольно редкой и смешной: _____, мышастый**³ (А. Куприн)?

Предложенная составителями формулировка (**Мышастый конь — это какой?**) не только недостаточно информативна, но и неуместно (в рамках лингвистического конкурса) «простодушна» и прямолинейна (стилистически снижена, оправдана в разговорном диалоге)⁴.

И последняя, но, как нам кажется, тоже важная деталь. Для современных детей мир

¹ Сразу вспоминается полотно «Купание красного коня» К. Петрова-Водкина.

² Более того, в художественной литературе этот цвет используется для характеристики неодушевленных предметов, например: **мышастый разлетай** [А. Куприн. Юнкера, 1932], т.е. *разлетайка* «верхняя одежда свободного покроя».

³ Полный контекст: *Масти он был довольно редкой и смешной: весь серый, мышастый, и только по крупу у него шли пестрые, белые и черные пятна* [А. Куприн. Олеся, 1896].

⁴ Такая простая модель организации вопросов (с местоименной субституцией) заразительна, можно тиражировать их бесконечно: *Сердце — это где? Среда — это когда? Ворота — это для кого? Учитель — это зачем?* и т.п. Но, к сожалению, данная синтаксическая структура не вполне нормативна, а значит, в лингвистическом конкурсе неприемлема.

окрашен в другие тона и цвета, в цветной картине мира произошли объективные изменения, которые отражаются и в «окраске» слова. Это связано с тем, что некоторые мотивирующие основы прилагательных-цветообозначений изменили исконный, природный цвет, как бы расширили собственную цветовую гамму (розы бывают не только розовыми, сирень не всегда сиреневая). Для современных детей *мышастый* не однозначно *серый*, потому что они знают, что не все мыши серые. И этот объективный фактор нужно учитывать.

Аналогичный промах допущен и в следующем вопросе (14) — про черно-белый цвет.

Три в одном

В анализируемой конкурсной работе есть максимально некорректные задания, в которых сразу несколько дефектов, связанных с нарушением логики реальности и языка.

(14) *Цветная встречается часто, а черно-белая — практически никогда. Что имеется в виду?*

а) фотография; б) капуста; в) редька; г) картинка; д) съемка.

Во-первых, уточнение *практически* для ребенка нерелевантно, так как не относится к детскому лексикону, в том числе ментальному¹.

Во-вторых, для некоторых названных в вариантах ответов предметов исходное условие «не работает». Если *цветной* или *черно-белый* сочетаются с существительными *фотография*, *картинка*, *съемка* (*практически* без вопросов! Сомнение вызывает существительное *съемка*, обозначающее процесс, для которого типичны характеристики по объекту, цели, исполнителю и др.: *спутниковая*, *репортажная*, *натурная*, *портретная*, *панорамная*, *операторская*. Из цветовых определений в НКРЯ есть прилагательное *монохромный*), то очень сомнительно их употребление по отношению к *редьке*. В практике сельского хозяйства есть *черная* и *зеленая*

редька, но она не называется ни цветной, ни черно-белой.

В-третьих, подставив «верный ответ» *капуста*² в формулировку задания, мы получаем некорректное утверждение: «Цветная капуста встречается часто, а черно-белая капуста практически никогда». Выходит, черно-белая капуста все-таки возможна, а это не соответствует действительности. Цветная капуста «конкурирует» с белокочанной и другими сортами (брюссельской, пекинской или брокколи, например), называемыми агрокультуру не по ее цвету.

В-четвертых, в этом вопросе не принимается во внимание адресат — дети 2006–2007 г.р., которые *практически* не знают, что такое черно-белый³. Они с рождения видят все в цвете: и фотографии, и фильмы, и картинки. Для них реальна дихотомия «цветной — нецветной», а антонимия прилагательных *цветной* и *черно-белый* — неактуальна и неочевидна, потому что им не с чем сравнивать. Они по объективным причинам пропустили время черно-белых телевизоров, родились в эпоху цифровых и компьютерных технологий, ярких красок и насыщенных цветов. И спрашивать детей о том, чего они знать не могут или могут (имеют право) не знать, не совсем правильно. Такой компонент успешной коммуникации, как «фактор адресата», важен и для формата конкурса.

Окончание статьи в следующих номерах.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://www.gramota.ru>.
2. Левонтина И.Б. О чем речь. М.: Изд-во ОСТ, 2016.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.
4. Задания и ответы «Русский медвежонок 2015». URL: <http://russian-kenguru.ru/konkursy/russkii-medvezhonok/zadachi/2015goda>.

¹ Взрослый тоже может по-разному интерпретировать эту формулировку: никогда в реальной жизни // никогда в практическом использовании // почти никогда (иногда возможно).

² Странно, что вопросы про капусту, по неведомой причине или стечению обстоятельств, есть почти во всех пакетах заданий, это самый популярный «загадочный предмет» в конкурсе «Русский медвежонок».

³ Это даже не цвет, а скорее зрительный эффект — черный, белый и множество оттенков серого.